Андрей РАСТОРГУЕВ

ПОТАЁННАЯ КНИГА

Роман Зои Прокопьевой
о жизнестойкости русского народа поддерживает
веру в неисчерпаемость его духовных сил

Прокопьева З.Е. Своим чередом. Роман. –
Челябинск: ИД «Пресс-Мастер», 2008.

Молва об этом романе с неброским названием «Своим чередом» дошла до меня раньше него самого. С Севера написали по электронке: мол, у тебя Челябинск под боком – вышли, как сможешь, обязательно надо прочесть.

По северным меркам двести километров – и вправду рукой подать. Но когда тираж всего тысяча экземпляров, а в книжных магазинах Екатеринбурга и местные авторы сыщутся не вдруг, расстояния уравниваются. Так что спасибо Всероссийской премии имени Бажова за 2009 год, которой этот роман был отмечен после своего второго переиздания: всё-таки возможность читать хорошие книги – неплохое вознаграждение за участие в работе жюри.

А когда все открытия и требующие порой просто внимательного редакторского взгляда шероховатости текста остались позади, шокировала последняя строчка – «1977-1982 гг.». Как? Всё, до чего собственными пробами и ошибками ты добирался сам, размышляя о недавней истории и современности Отечества, Зоя Прокопьева написала уже в начале 80-х? Уже тогда читатель мог испить этой горькой уверенности в том, что, хотя личного безмятежного счастья Родина каждому из нас отнюдь не гарантирует, русский народ преодолеет всё?..

Потерянный рай

«…Томительная тишина… окутывала баню, огороды, травы, и мнилось Нилу, сидящему на чурочке у двери, будто и нет никакой жизни вокруг, будто и не жил он никогда до этой минуты. Хотелось остаться тут навсегда…» Ощущение, знакомое каждому, кто подобно пришедшему издалека главному герою Нилу Краюхину после знойного

и страдного дня так же сиживал на закате где-нибудь во саду ли в огороде.

Образ земли обетованной дополняют рукотворные красоты деревни Истошино: «ворота резные, с витыми столбами, наличники кружевные, тетивы у крылечек расписные, полотенца с коньков крыш причудливые…» И жители её «высоки ростом, дружны и степенны», знают цену себе и мастерству, которым завоёвывает уважение к себе герой, работая в кузнице.

Многое, однако, мешает разделить уверенность одного из интерпретаторов романа в том, что эта деревня представляется автору райским местом. Красоты объясняются весьма просто: ещё при первом Петре первый Демидов скупил-собрал сюда со всей России искусных резчиков по дереву и камню. А чтобы душа у них тосковала и от тоски той резьба выходила диковинней да краше, жениться они были должны только по выбору приказчиков. Вдобавок по соседнему большаку день и ночь в уральские и сибирские рудники шли каторжные этапы.

Так что и горевал здешний народ, и спивался, и руки на себя накладывал. Мало-помалу, правда, мужики обрастали достатком, ибо мастерство да заказы позволяли, месяц простояв за верстаком, на год обеспечить себя хлебом. Однако и веселились в этой деревне примерно так же, как раньше плакали, соответствуя укрепившемуся в устах слегка переиначенному названию – Истошное.

Особенно веселье расплёскивается после наступления Советской власти, но явно не столько от радости и богатства безмерного, сколько от безделья – заказчиков-то повывели, в том числе с участием самих истошинских мужиков. Граммофоны «надсажаются» почти в каждом доме, однако ни магазина, ни больницы, ни школы по-прежнему нет, так что жизнь, как раньше, протекает между красивой церковью и погостом.

- Ох, не к добру веселятся…, – говорит дряблолицая, но голубоглазая и подвижная скиталица бабка Дарья, уходы и возвращения которой к истошинцам в ключевые моменты их жизненных и смертных перипетий превращаются в один из стержней романного действия. А толчок ему даёт появление кочующей чрезвычайной тройки, которая в два дня раскулачивает всю деревню за исключением горького пьяницы Митрохи. Ибо у него из имущества только отцовский резной столб посреди сарая, а в остальных 67 дворах «люди живут, как баре, а некоторые даже середь бела дня валяются на полу на перинах», и даже

не дают себе труда сосчитать имеющуюся у них скотину. И вообще «вся деревня какая-то с придурью…»

Освобождённый от имущества мастеровой народ оказывается перед выбором: либо пристать к земле в колхозе, либо завербоваться на строительство тракторного Гиганта – точнее на лесоповал для его нужд. Хрен редьки не особенно слаще, но есть надежда, что, по словам одного из истошинцев, «рядом-от с лесом и руки не загрубнут, и душа помене будет мытариться…»

Столь беглое изложение, разумеется, не передаёт всех нюансов завязки, тем более что вместе с реалистической линией романа нарастает и её метафорическая, фантастическая оплётка, подчас доходящая до мистики, фантасмагории и гротеска. У истошинцев не только горе и веселье, но, как показывает история Шурки Лукьяновой и Клима Ивина, до того схоронившего трёх жён, и любовь без меры. Не столь уж великую деревню Нил обходит три дня, а один пришлый учёный, по словам Дарьи, «только через месяц вышел к церкви» да так и остался перед нею до зимы – всё налюбоваться не мог. К самой Дарье накануне свадьбы с неба слетает звезда – тёплый камушек. Но муж-злыдень, что потом оттяпал ей топором два пальца да угорел с её помощью, выбросил камушек в реку – и омут, поглотивший небесную посылку, по ночам светится.

Ещё одним стержневым образом повествования с первой главы становится алый розовый куст, посаженный мечтателем Иваном Востриковым на той болотистой непаши, где взбаламученные им мужики попытались создать коммуну «Райский сад». Попытка оказалась неудачной, люди пообносились и вернулись домой, но куст прижился. Его терпкий запах «дурманил головы мужикам, побуждая одних видеть странное диво – какую-то чудно-счастливую жизнь в белых городах-садах, других – то летать над землёй со скоростью ветра, то парить над горами, лесами, морями, третьих – блаженно улыбаться, будто они постигли что-то неземное или увидели призрачное, от чего всё остальное в жизни – трын-трава…» И в пяти шагах от куста люди «летали, исступлённо плясали, пока не падали на колени, или плакали и обнимались».

Именно помочь построить новый город, новый завод в нём, а потом и дворец, при возведении которого непременно пригодятся их таланты, призывает истошинцев вербовщик Гигантостроя с говорящей фамилией Бедяев. Именно эти розы «с тяжёлыми каплями росы на